

Максим Горький

Весельчак

Максим Горький

Весельчак

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=638965

Аннотация

«В зеленоватую воду моря брошена – как желтый лоскут атласа – маленькая песчаная отмель; перед нею – на гаг – безбрежная стеклянная гладь, сзади нее – полоса ослепительно светлой воды, дальше – низенькие медные холмы берега, на холмах убогая поросль каких-то безымянных прутьев, а еще дальше, среди горячих песков, – грязные пятна строений рыбного завода.

День такой яркий, что даже отсюда, с отмели, видно, как там, за версту, на холмах, сверкает серебряными искрами рыба чешуя.

Жарко – точно в бане; чайки, разморенные зноем, похожи на куриц; они бродят по отмели, раскрыв клювы, лениво распутив кривые крылья, и лишь изредка хрипло вскрикивают, задыхаясь. Едва слышно шумит и плещется вода, облизывая отмель низенькими, в четверть аршина, волнишками...»

Максим Горький

Весельчак

В зеленоватую воду моря брошена – как желтый лоскут атласа – маленькая песчаная отмель; перед нею – на гаг – безбрежная стеклянная гладь, сзади нее – полоса ослепительно светлой воды, дальше – низенькие медные холмы берега, на холмах убогая поросль каких-то безымянных прутьев, а еще дальше, среди горячих песков, – грязные пятна строевой рыбного завода.

День такой яркий, что даже отсюда, с отмели, видно, как там, за версту, на холмах, сверкает серебряными искрами рыба чешуя.

Жарко – точно в бане; чайки, разморенные зноем, похожи на куриц; они бродят по отмели, раскрыв клювы, лениво распустив кривые крылья, и лишь изредка хрипло вскрикивают, задыхаясь. Едва слышно шумит и плещется вода, облизывая отмель низенькими, в четверть аршина, волнишками.

Тихо, точно после великого несчастья, тихо и пусто.

Изнывая от жары, на влажном песке растянулся, закрыв белесые глаза, сергачский человек Баринов, он ворчит, дремотно поучая меня:

– В думах моих я все земли прошел, все моря переплыл; в думах моих я все грехи изведал...

Я слушаю и не верю ему, – он человек робкий, на людях

ведет себя подхалимом, а когда говорит с приказчиком завода, то у него дрожат ноги и голос ласково взвизгивает. Он мужчина ленивый, как буйвол, неустанно рассуждающий и чрезвычайно волосат; его плоское курносое лицо – в шерстяной маске песочного цвета, из широких, точно у верблюда, ноздрей торчат рыжие шерстинки, из ушей – тоже, голая, медная от загара грудь заросла, как у медведя, даже на суставах пальцев растут густые кустики волос. Ноги у него кривые, портновские, руки – длинные и толстые, как ноги; ему, должно быть, очень удобно ходить на четвереньках.

Но это очень добродушный, очень смиренный зверь; когда товарищи бьют его за лень и ротозейство, он, перекатываясь бочонком под ногами у них, только просит» не сердясь и не жалуясь:

– Да будя, братцы, будя! Ну, побили, ну и ладно... Его лысая голова туго повязана красным; издали кажется, что череп его лишен кожи.

– А в жизни я – пустой человек, – справедливо говорит он, не интересуясь, слушаю ли я его. – Пустой, как бубен, ударят – отвечаю, не трогают – молчу...

Он как будто бредит, я тоже в полусне. Над нами очень синее небо, вокруг – зеленоватое море, как будто и под нами небо. А мы, на атласном куске отдели, висим в бездонной пустоте, точно на самолете-ковре.

Но ковер-самолет неподвижен. И в душе тоже всё неподвижно.

Версты за полторы впереди такая же отмель, как наша; ее было бы не видно в массе расплавленного, горячо сверкающего стекла, но по ней ходит темная фигура, будто плавающая в воздухе. Это – наш третий товарищ, какой-то восточный человек, перс или армянин из Персии, его зовут Изет. Понемногу он почти не говорит, но прекрасно понимает всё, что ему приказывают, – очень удобный человек.

Нас, троих, послали с завода на отмель, чтобы снять с нее оставленные утром снасти, но Баринову и мне лень было ехать так далеко по жаре, мы залегли на ближайшую к берегу мель, а Изету приказали ехать за снастью; послушный, как смиренная лошадь, он поехал.

– Мне сорок пять годов минуло, – бредит Баринов, потягиваясь, – я столько всякой всячины видал, что иному губернатору и то хватит. А спроси меня – к чему все? Так я тебе этого не скажу. Томаша одна. А ты говоришь – народ...

Не на тем остановиться глазу в этой сверкающей пустоте; мозг растекается в ней, точно клочок белой пены на теплой воде моря. И думать не о чем.

Баринов? То, что он говорит, я уже слышал от него и от других. Все эти размышления о жизни только мертвят ее, вызывая в сердце досаду и тоску.

Если, закрыв глаза, пролежать несколько минут неподвижно, то в каждом мускуле тела, в каждой точке его, начинаешь чувствовать неприятное расширение, таяние и как будто погружаешься в горячую бездонную пропасть. Так,

должно быть, чувствует себя маленький кусочек крутого теста, брошенный в котел нагретой воды.

Надув седые щеки, противно кричит старая чайка, две подруги косятся на нее злыми глазами и, тяжело расправив крылья, медленно летят в море, – их отражения влачатся по воде, как два лоскута шёлка.

Там, в воздухе, над водой возится толстый, круглый Изет, подталкивая к лодке бочку.

– У нас, на селе, был писарь Колобашкин, – рассказывает Баринов сам себе, – добрый человек, хоша заливной пьяница, Так он, бывало, говорил: «Надобно жить всем одинаково. Порите, говорит, мужики, друг друга чаще, когда все перепоретесь и будет вам друг дружку стыдно, начнете вы дружнее жить. Надо, говорит, всем в одном жить, хоть в стыде, лишь бы единодушно. А когда всякая крупинка сама по себе – каши не сварить». Гляди-ка, кто идет?

Он смотрит на берег, приложив ко лбу мохнатую лапу, – вдоль берега ходит, качается у самой воды какой-то человек и гасит ногами искры рыбьей чешуи.

– Броду ищет. Крикни ему, правее бы шел, там гряда...

Я молчу, не хочется кричать; молчит и Баринов. Становится все жарче; теплый, крепко соленый воздух тяжел и влажен, трудно дышать. На губах – соль, хочется пить, а баклажка с простой водою в лодке. В море, у самой отмели, поблескивают серебряные сельди, они кажутся отражениями бескрылых птиц, плавающих в воздухе, невольно смотришь

вверх, где, в синем зное, остановилось и плавится солнце.

Человек нашел путь к нам – песчаную гриву, намытую весенними бурями; эта грива изогнулась, как французское S, ее нижний конец – островок, на котором мы лежим. В самом низком месте воды над нею – только под мышки.

– Не наш, – говорит Баринов.

Я верю ему, зрение у него морское.

Человек вошел в воду и медленно двигается вперед, подняв локти, уходя всё глубже с каждым шагом, смешно расталкивая воду животом.

– Персюк, – решает Баринов.

Я вижу над водой темное бритое лицо, серые, коротко подстриженные усы, белые зубы, обнаженные улыбкой. На голове человека круглая валяная шапка, похожая на глиняный горшок, на плече у него висят синие штаны. Куртка тоже синяя, – а под нею белая рубаха, раскрытая на груди. Вода становится ниже, из нее вырастают медные ноги, блестя на солнце.

– Здырясты! – еще издали кричит он, многократно кивая круглой головой.

– Веселый, – заметил Баринов, улыбаясь. – Персюки – все эдакие, веселый народ, добряк. Глупые довольно, глупее ребенка. Обмануть персюка – легче всего!

Человек вышел на мель, надел штаны, сдвинул шапку на затылок, обнаружив синий бритый лоб, и пошел к нам, вскрикивая:

– Здырясты, здырясты!

Он сухой, тощий, его черное лицо сплошь исписано мелкими морщинами, среди них весело сверкают в синеватых белках золотистые зрачки, глаза большие, миндалинами. Молодой он, должно быть, был очень красив. Гибко подогнув длинные ноги, он ловко присел на корточки, спрашивая:

– Табака иесть?

Вынул из-за пазухи пахучий кисет, черную трубку и протянул Баринову.

Тот благосклонно принял угощение и, туго набивая трубку волокнистым, влажным табаком, заговорил:

– Зачем пришла перса?

Человек посмотрел, как Баринов тискает табак большим пальцем, усмехнулся и отнял у него трубку.

– Не будит кури!

Выковырял ком табаку и, снова набив трубку, подал Баринову.

– Так будит.

– Перса работа нанялась?

– Работа, – кивнул головою гость. – Работа будит – чик!

– Я говорю – веселый, – сказал Баринов, тоже усмехаясь.

А перс посмотрел в море, где Изет возился у лодки, и, протянув туда руку, спросил:

– Это – какой?

– Ваша, вроде тебя.

– Наша, – не то согласился, не то переспросил перс.

– Изет зовут.

Перс отрицательно мотнул головой.

– Ему зовут Хасан.

– Ну, как хошь.

– Дыруг моя...

– Друг? Так.

Баринов усердно и неумело курил, заглатывая целые облака дыма и выпуская их длинной синей струей. Перс, улыбаясь, смотрел на него, тихонько напевал странную песню и зачем-то сгибал и разгибал правую руку. Тишина вокруг всё уплотнялась.

– Сладкий табак, а крепок, – пробормотал Баринов, глядя на меня осовелыми глазами. – Индо в голову ударило...

Он опрокинулся на спину и закрыл глаза.

Несколько минут перс сидел неподвижно, точно уснув, только в его прищуренных глазах светились золотые искорки. Потом он сморщился, крепко вытер лицо свое ладонями, сложив их в пригоршни, посмотрел на ладони, точно в книгу, пошевелил губами и снова вытер лицо.

И вдруг, закинув голову, выгнув кадык, он завыл негромко, но очень высоким, почти женским голосом:

– Ай, яй, яй-ай-и!

– Эк тебя прорвало, – дремотно сказал Баринов, перевернувшись спиной к солнцу, а перс, обняв колени руками, покачивался и выл, наполняя тишину тонким воплем.

Там, на отмели, Изет, стоя по колени в воде, сталкивал лодку с песка, – когда перс завыл, он взмахнул рукою и, выпрямившись, стал из-под локтя смотреть в нашу сторону.

Перс толкнул меня плечом, говоря:

– Слышаит!

И, оскалив зубы, весело добавил:

– Ему будет – чик!

– Что такое чик?

– Такой, – сказал перс, закатил глаза под лоб и всхрапнул, как лошадь.

Это было смешно.

Изет постоял, посмотрел, столкнул лодку, не торопясь, влез в нее с кормы, – стало видно, как лодка закачалась на гладкой воде, неотделимой от воздуха.

А перс, прищурился, снова тихонько запел воющую песнь; пел он горлом, с неожиданными повышениями до визга, странно захлебываясь звуком, капризна прерывая его ленивое течение. Эта песня еще более усугубляла знойную тоску пустого дня; ничему не мешая, ничего не будя, звуки и слова, чуждые мне, плыли, как стая мелкой рыбы. Казалось, что песня давно уже звучит в тишине, всегда звучала в ней, – мелодия ее была неуловима и ускользала из памяти, не поддаваясь усилиям схватить ее. В светлой пустоте дергалась лодка, точно неуклюжая рыба с тонкими длинными плавниками; Изет едва греб, медленно опуская и поднимая весла.

– Что ты поешь, о чем? – спросил я перса, когда мне на-

доело слушать его вой.

Он тотчас же замолчал, оскалил зубы и охотно начал рассказывать:

– Такой веселы пэсня – тасниф, наша зовут, тасниф!

Но слов у него не хватило, он закрыл глаза, закачался и снова начал вопить:

Ай-яй-яй-ай-и!

Минэ нады иэхать Фарсиста-ан!

Прервал пение, подмигнул мне и заговорил:

– Нады, не нады, кто знайт? Алла знайт, человечка нэт знайт! Молодой баба остался дома, другой муж взял – не взял, – кто знайт? Скажи, добрый Джин, который моя друг, жены новый муж? Так поем тасниф. Шайтан шутит – человечка плачит...

Баринов пошевелился и сказал осуждающим тоном:

– У них все песни про баб, больше ничего не знают, псы...

А перс всё говорил, весело и бойко поблескивая глазами, путая незнакомые мне слова с изломанными русскими.

– Нады иэхать Фарсистан, – не нады иэхать? Буду пить вино, буду обмануть дыруга и все люди, – такой тасниф! Дома человечка – умны, дорога – глупы!

Он засмеялся, крепко потирая руки, и вдруг, потемнев, задумался, замер, глядя в сверкающее зеркало моря.

И я задумался, слагая его смешные слова в незатейливую

песню.

Я хочу делать хорошие дела...
Ах, надо ехать в Фарсистан!
Скажи, мой добрый Джин,
Сколько беды и зла
Готовит мне шайтан?

У меня молодая жена...
Люблю се мягкие колени!
А мне надо ехать в Фарсистан!
Скажи, добрый Джин,
С кем жена мне изменит?

У меня есть два друга,—
Скучно мне без них станет!
Мне ведь надо ехать в Фарсистан.
Скажи, добрый Джин,
Который друг меня обманет?

Ах, я человек смирный,
А дорога мне не знакома...
Как тут ехать в Фарсистан?
Скажи, добрый Джин,—
Не умнее ли буду я дома?

А не послать ли к шайтану
Дела, друзей к жене?
Не надо ехать в Фарсистан!

Лучше я сам всех обману,
А потом – напьюсь пьяный...

Лодка подвинулась близко к мели, я вижу круглое, красное лицо угрюмого Изета, он сидит прямо, гребет не сгибая спины. Перс гибко встал на наги, пощупал рукою пазуху и легко пошел навстречу лодке.

– Ну, надо и нам садиться да ехать, – сказал Баринов, потягиваясь так, что у него захрустели сухожилия. – А то погодим, пускай дружки поговорят...

Изет выпрыгнул из лодки в воду и потел на берег, изогнувшись, спрятав руки за спину, а перс вдруг присел на корточки. Тогда Изет, остановясь на секунду, поправил шапку, провел ладонью по лицу и, стряхнув с нее пот, тоже смешно подогнул колени.

– Эй, эй, дьяволы! – испуганно заорал Баринов, вскакивая на ноги, и торопливо бросил мне:

– Драться хотят, негодяи! Эй, вы, – нельзя! Они ведь ножами!

Да, в руках друзей, точно живые сельди, сверкали длинные тонкие ножи. Присев на корточки, напоминая тетеревей на току, они переступали с ноги на ногу, подпрыгивали, а Баринов, оглядываясь, тревожно бормотал:

– Эх, палки нет – палкой бы их по башкам.

Вдруг перс быстро сунулся всем телом вперед, а Изет крякнул, размахнул руками и упал на спину.

– Куда? Зарежут! – крикнул Баринов, когда я побежал к лодке.

Стоя на коленях, перс совал левой рукою нож в песок – сунет, вытащит и, вытерев лезвие полою куртки, снова сунет.

– Что ты сделал? – спросил я.

Он ответил, оскалив зубы, глядя нож пальцами:

– Мы ему, собаку, давно искал.

По правой руке его из-под рукава стекали алые струйки крови, кровь тяжелыми каплями падала на песок и исчезала, оставляя за собою ржавые пятна.

Изет лежал на спине, спустив ноги в воду, плотно прижавшись щекою к влажному песку. Лицо у него побурело, тусклые глаза пристально смотрели на разжатый кулак откинутой руки и на нож около нее. Пальцы другой руки вцепились в песок, а толстые губы сердито надуты.

– Серсэ нашол, – сказал перс, подмигнув мне. – Чик!

Баринов осторожно, стороной, подобрался к лодке, влез в нее и закричал мне:

– Едем, чёрт!

Когда я, столкнув лодку, сел на весла, он, перевалившись на корму, начал злобно орать:

– погоди, свинья, вот мы сейчас тебя, злодея...

Перс, стоя на коленях, весело кивал нам головой и вдруг звонко крикнул:

– Прочай!

Стянул с плеч куртку, рубаху и обнаружил длинную руку,

красную по плечо, – она так ярко загорелась на солнце, точно была выкована из металла цвета крови.

А всё кругом – снова как сон.